

ЛЕВША ИЗ МАНЖЕРОКА

Недавно один из бийских литераторов, встретив меня, выдрал исписанный карандашом лист из своего блокнота:

- Возьми. Был в селе Манжерок и там, в краеведческом музее, переписал материал об удивительном человеке с твоей фамилией. Может, сгодится для размышлений.

Я стал читать. Человек по прозвищу Манжерокский Левша прожил в селе Манжерок несколько десятилетий и умер в конце прошлого века.

Сообщение это заинтересовало, потому что фамилия моя встречается не часто даже в том сельском предгорном районе Алтая, откуда родом мои деды и прадеды. Судьба исконно крестьянского рода нашего оказалась трагической. Подрубали корни его и гражданская резня, и чума сталинских репрессий, и Великая Отечественная война. Перемололи жернова истории мужское племя моих родичей, оставив длинные списки имён на городских и сельских мемориалах, в архивах и Книгах Памяти. Вот и пошли ветви от родового ствола по женской линии, с другими фамилиями. А фамилия наша образовалась, прочитал у В.И. Даля в «Словаре», от названия домашнего скарба, всякой мелочи (оренбургский говор) – «шарабара». С южного Урала, значит, пришли

наши далёкие предки на Алтай. Возможно, не по своей воле. Здесь и расселились. А корень рода там, в казачьей земле, остался. Там его искать надо.

Немного удалось узнать из блокнотного листа, но достаточно для того, чтобы представить этого человека. Его поступки, привычки, мысли. Его чудаковатость. Надо бы специально съездить в Горный Алтай, поговорить с теми, кто ещё помнит Манжерокского Левшу...

Звали его Иваном. Жил он одиноко, работал пастухом по найму. Спал на сене в сарае. Такая у него была странность. А ещё Иван был отменным мастером. Фигурки зверей и людей из дерева делал – загляденье! Работал левой рукой, потому и Левшой прозвали. А поделки раздаривал сельчанам и приезжим.

Иван был удачливым охотником и рыбаком, хорошо знал и любил Катунь, окрестную тайгу, горы. По осени уходил с ружьём на несколько недель заниматься промыслом. Жил в кордонах. А ещё он умел объездить молодую лошадь, набросить аркан на жеребёнка метров за тридцать и мог на лодке пройти любой перекаат на Катуню.

Однако Манжерокский Левша остался в памяти односельчан прежде всего за то, что всегда был

готовом прийти на помощь тому, кто оказался в беде. Однажды он спас одного приезжего смельчака, что спьяну доплыл до скалистого островка посреди Катуня, где выдохся, замёрз и готовился уже отдать Богу душу. Никто из местных не решался подойти на лодке к скале. Уж больно сурова здесь Катунь – стремнины и водовороты. Бросились искать Ивана, которого нашли только к вечеру на дальнем кордоне.

Манжерокский Левша перебросил петлю аркана через протоку, зацепился за макушку скалы на острове, а другой конец верёвки укрепил за дерево на берегу. Получилась переправа, при помощи которой Иван спас едва живого, окоченевшего до синевы Робинзона и снова молча ушёл в горы.

Мне этот эпизод с переправой напомнил случай многолетней давности времён моего студенчества.

Мы, несколько студентов, работали в археологической экспедиции, организованной нашим краеведческим музеем, на раскопках стоянки древних людей на левом берегу Катуня прямо за мостом у села Усть-Сема. Работы проводились в августе. В один выходной день мой друг Саня, художник в отряде, парень сильный, решительный, приглядел на катунском

островке, примерно в километре от лагеря, кедры с шишками и, раздевшись, мощными сажёнками одолел протоку. Оказавшись на островке, он набрал шишек, но плыть обратно не смог. Ни сил, ни смелости не хватило. Вода грохочет как ошалелая, а он сидит в плавках на камнях и кричит нам, собравшимся на берегу, напротив островка:

- Ребята! Помогите! Замерзаю!

Солнце к закату. Мы бегом в деревню за лодкой. Рыбаки дали старенькую плоскодонку. Сами плыть отказались. Посоветовали:

- Сразу выгребайте на середину реки, а потом – к носу острова. Там течения сталкиваются, и образуется обратный поток. Только надо грести во всю мощь.

Саню мы выручили, но пережили немало страха за свою жизнь. Поэтому я проникся особым уважением к своему незнакомому однофамильцу, Левше из Манжерока.

Был он коренаст, молчалив, смел и решителен в действиях. Но почему - то не обзавёлся семьёй и не оставил потомства. Странно всё это. А то, что он был человеком стоящим, – правда истинная. Вон даже в музее о нём кто-то записки оставил. Значит, не зря жил человек с моей фамилией на земле.

ВРЕМЯ ИДЁТ

Снова увиделась во сне моя деревенская родина среди лесов, навсегда запечатлённая памятью. Не ярко, размыто, словно сквозь сетку дождя. Она, тихая, грустная, всё дальше, дальше – за толщей десятилетий, событий, нынешних забот и проблем.

А время идёт, идёт...

Встал рано. Наладил удочку. Накопал червей в дачном саду. Вышел на улицу. Туман висит над деревней, лугами, рекой. Тихо, лишь кое-где сквозь ознобный влажный полумрак пробиваются крики чаек и дроздов. Спят дере-

вья, кусты, вода в заглохшей старице. Крутой берег нависает над рекой. То прохладой напахнёт, то едва ощутимым теплом. Поймал несколько чебаков и пескарей. На уху хватит.

Надо ехать домой. Тороплюсь на утренний автобус. Всё ли взял, что нужно? Не забыл ли чего? Взвалил на спину старый рюкзак, полный до завязки. Надо спешить, иначе опоздаю, а следующий рейс будет не скоро. На травах холодная роса. Кроссовки промокли, потому что срезаю извилины тропки, иду по прямой. Поглядываю на часы.

А время идёт, идёт...

Недавно одно государство объявило другому ультиматум, который явно не будет выполнен, и начнётся военная операция.

Будут гибнуть люди, которые пока ещё думают о будущем, любят, рожают детей, занимаются своими повседневными делами...

Два самолёта летят навстречу друг другу. Они по вине диспетчера столкнутся в небе над одним европейским государством. В самолетах – мужчины и женщины, старики и дети. Кто спит, кто разговаривает, кто грустит, кто мечтает. Страшная катастрофа всё ближе и ближе.

А время идёт, идёт...

Одна держава, готовая вот-вот лопнуть от могущества, самодовольства и накопившейся несусветной лжи (от чего страдает прежде всего собственное здравомыслие всё наглее и увереннее подминает под себя суверенитеты других стран, создавая из них огромный агрессивный блок для утверждения в мире идеологии однополярного владычества. Она покрыла весь мир, словно заразной сыпью, своими военными базами. Всё это долго сходило с рук, не встречая сопротивления, - клевета и надувательство, разбой и грабёж в разных частях света. Но вдруг эта держава, стригущая купоны с подчинённых стран, как шерсть с отары, налетела, словно коса на камень, на непокорность и твёрдую самостоятельную позицию другой страны, страны необозримых пределов, с героической историей, страны, обладающей оборонной мощью, достаточной для самозащиты.

Сошлись глаза в глаза - правда и неправда, честь и нечисть, добро и зло. Возрастающее напряжение искрит, как силовые провода при сближении. Истина стоит крепко, смотрит твёрдо, угрозы не действуют.

А время идёт, идёт...

ТАК ДЫШИТ ВРЕМЯ

Июль начался вечерней грозой с юбальным ливнем, перешедшим в град. Кусочки льда величинной с воробьиное яйцо отскакивали от забора, ступеней крыльца. Вскоре деревенская улица, огороды и всё видимое пространство лугов за селом покрылись матово-белым, холодным цветом.

Но гроза прокатилась так же быстро, как и нагринула. Град расплавился, образовались лужи. Над покатыми сопками за лугами высветилась окрашенная закатом бирюзовая гладь неба. Влажный вечерний сумрак сгущался туманом, клубами исходящим от парной земли. Холмы, прибрежные

кусты, берёзовый колок и полоса бора вдали слились в единую тёмно - зелёную массу, лишь тополя на краю села, сквозь которые пробивалась заря, волнисто бугрились на фоне тяжелого, набухшего влагой неба.

В гуще ивняка очнулась кукушка, прокуковала несколько раз и замолчала, а потом в заречной хмари затрубил дикий голубь.

Николай Петрович сидел на крыльце своего дачного дома, подложив под себя старую куртку, слушал переключку редких звуков затихающей деревни и глядел на закат. Приехал он сюда утром, днём успел поработать в огороде, сходить на рыбалку, сварить уху.

Николай Петрович на листе жести развел возле крыльца из сухих щепок костёрчик, накрыл его мокрой травой. Заструился дым, отгоняя комарьё.

Безветренно, свежо, просторно. Воздух загустел, замер недвижимо, только иногда накатываются едва ощутимые, не колеблющиеся ни один лист прозрачные волны то влажного тепла, то росной прохлады. Наверное, так дышит уставшее время. Хотелось раствориться в этих волнах, пронизанных зыбким светом.

Вдруг всё это – вечерний воздух после грозы, тонкий запах дыма и ромашки, пенье лягушек на пруду, блики заката в лужах, позванивание комаров, тающие деревенские звуки, зябкие голоса кукушки и дикого голубя – слилось воедино, обожгло печально и сладко до спазм в горле знакомым чувством далёкого прошлого.

Родина! Это её запахи, цвета, звуки, туман, плывущий над водой, тихий неяркий месяц на берёзовой кроне, треск коростеля на лугу.

Родина – островок раннего детства, затерявшийся во времени и таёжной глухомани на краю земли, где не по своей воле оказались в 30-е годы деды и родители Николая Петровича. Родина – кусочек памяти, словно полоска вечерней зари, всё ещё светится сквозь десятилетия.

Там летом властвует гнус, а зимой свирепеют морозы.

Но родина есть родина. Родись в ледяной тундре или жаркой пустыне, и она, эта суровая земля, станет для тебя единственным, центром постоянного притяжения души и памяти, будет всегда снится тебе.

По молодости Николай Петрович не раз решался скопить денег, собрать походный рюкзак и рвануть в далёкий и трудный путь – в своё полудикое детство, зовущее, тоскующее, памятное, расцвеченное фантазиями.

Вначале надо ехать поездом с пересадками, потом – на автобусе или попутках до последней деревни у края тайги. Дальше – по дороге, если она ещё есть, или по тропам через медвежьи глухомани добраться до родной речки Четь с шатким деревянным мостиком. Жив ли он? За ним среди пихт и кедров раскинулись заросшие по берегам непролазной чащей и осоклой дугообразные глухие озёра – старицы, потом появится высокий песчаный откос, за ним – широкая полоса девственного бора, переходящего в черновую бесконечную тайгу.

Здесь, на высоком берегу болотистой низины, была деревня в одну улицу, двумя колодцами, начальной школой, колхозной конторой, магазином в центре и – родным домом Николая Петровича с берёзой во дворе и скворечником над крышей.

Родители говорили (Царствия им небесного!), что деревня сгорела, когда её покинули жители, и от неё, конечно, никаких следов не осталось. Но память и сердце подскажут, где это место. Обязательно подскажут!

Там бы остановиться, развести костер, послушать вечный гул тайги, уходящей в бескрайние северные дали, проникнуться смыслом непредсказуемого человеческого бытия, а ночью увидеть над темными хвойными кронами Млечный путь, что в детстве светился ярко и загадочно.

Неподалеку – кладбище. Постоять бы, вспомнить лица, голоса. Больше ничего не надо...

Не раз порывался Николай Петрович отправиться на родину, да всё что - то мешало. То нехватка времени, то нехватка решимости. А сейчас самая главная помеха – возраст. Николай Петрович, учитель по профессии, ныне – пенсионер. Болезни посыпались, как из рога изобилия. Куда он теперь, бывший турист-пешеходник, покоритель многих десятков горных снежно-ледовых перевалов? Ушло его время. Осталось завидовать тем, кто может побывать на своей родине, где сделал первые шаги в жизни, а вот Николаю Петровичу этого не дано. Возможно, он остался один из тех, кто помнит то место? Один, как последний мамонт?

Нынешняя запыленная жизнь, подгоняемая инстинктами потребительства, несётся, не оглядываясь, куда-то вперёд от кризиса к кризису, от беды к беде. Она не обременяет себя грузом памяти, путается в сетях проблем и не задаётся лишними вопросами.

Николай Петрович подкинул мокрой травой в разгоревшийся костёр, посмотрел на потухающую зарю над лесом, и ему вдруг тоскливо подумалось, что он уже перешагнул грань, разделяющую два мира, и дышит воздухом чужой эпохи.

Николай Петрович по давней учительской привычке старается быть в курсе литературной жизни страны, родного города и края.

Он привёз на дачу целую библиотеку и на досуге вновь и вновь погружается в давно знакомый мир образов и среды литературных героев. Русская классика уникальна своей проникновенностью, широтой национального духа, сопричастностью к народным бедам и постоянным стремлением к добру и справедливости. Она заставляет думать о смысле жизни, питает душу светом, будит чувства, память и является оберегом в нынешнем мире.

Читая современных авторов – столичных и региональных, Николай Петрович всё больше убеждается в том, что с наступлением нового века произошёл глубокий водораздел между двумя эпохами. Прошедший литературный век с его прорывами отдельных крупных писателей к человеку, его душе, совести после Шукшина закрывают имена Астафьева, Солоухина, Рубцова, Белова, Фёдорова, Распутина. У нас на Алтае последними писателями такого ряда, отразившими суть и противоречия своего времени, были поэты, оседлавшие тему неизбывной городской тоски по утраченному деревенскому детству, созвучную нескольким поколениям заложников индустриальной урбанизации.

Глубокая, но светлая, как отстоявшаяся река, проза Е. Гущина, хрустальная, тонкая до звона, волнующая душу поэзия В. Башунова и Б. Капустина, честная, обращенная к совестливой памяти нашей публицистика В. Гришаева...

Рынок ввалился в нашу жизнь, грустно думает Николай Петрович, как погромщик, подчиняя плоть и душу принципам спроса и предложения. Старомодным стало ратовать о гражданском и нравственном предназначении литературы. Надо деньги делать, надо раскручиваться, мозолить глаза толстосумам, хватать на лету подачки, чтоб издаваться, издаваться.

Ныне шумят иные голоса, соперничающие за первенство. В каждой провинции уже есть свои гении, исполненные величия. Особенность их в том, что они полны зуда лягнуть гуманные традиции отечественной классики, наве-

шать на все духовные ценности товарные ярлыки. Они остроумны, с холодными сердцами, охочи до денег, трезвона и почестей. Они - мастера от пошлого остроумия и литературной болтовни.

Николай Петрович сидел на крыльце и смотрел на закат, который, вдруг ярко вспыхнув из-за туч, начал быстро погасать, меркнуть. Костерок тоже догорел, испустив последний дымок. Говорят, память человеческая, почувствовав близость вечности, вспыхивает ярко, высвечивает прошлое и - гаснет с последним ударом сердца. Но об этом не хотелось думать.

Тишина вокруг, покой. Николай Петрович поднялся, собираясь уходить в дом, и вновь почувствовал едва ощутимые волны туманной прохлады реки и неостывшего дневного тепла земли. Так время дышит.

СЛОВО О СОСНАХ

Нам, бийчанам, повезло с природной средой. Луга, река, бор. Всё рядом. Только вот природе не повезло с нами, хозяевами этих прекрасных мест. Не повезло с нашей ответственностью и культурой отношения к окружающей природной среде. Живём как потребители по принципу - после нас хоть трава не расти. Вот несколько примеров такого отношения.

Наш бор является частью уникальных ленточных сосновых лесов на Алтае. Полоса этих лесов тянется вдоль Бии и Оби на сотни километров. А ширина разная. Возле нашего города - не более пяти-шести километров.

Этот бор для нас очень важен и жизненно необходим, потому что оберегает нас от ядовитых выбросов химических производств. Не будь этой защиты, мы бы давно уже задохнулись от рукотворной вони. Спасибо соснам, они берегут нас. Но мы их не бережём. За городскими окраинами бор всё более превращается в свалку. Кучи мусора, количество которых с каждым годом увеличивается, вызывают уныние и тоску. И вырубается он, родимый наш хвойный уникал, беспощадно. Зимой и летом, днями и лунными ночами. Стоит только подальше отойти от города в глубь леса, обязательно услышишь звук пилы, топора и грохот

падающих деревьев. Если всё делается по закону, то зачем он нам, такой закон, позволяющий крушить всё подряд, оставляя после себя пустыню? Это никак не способствует успеху борьбы с онкологией и туберкулёзом бийчан. Будто оккупанты у нас бал правят...

А в бору так легко дышится и думается! Сосны – деревья стройные, высокие, певучие, с золотым отливом. Ещё они приветливы, каждому руки свои протягивают. Да не все идут к ним с добрым сердцем, чаще с топором да ружьём автоматическим. Прошлым летом опять слышал в бору стрельбу. Палили одиночными выстрелами и очередями. Здесь всё живое берет на мушку. Потому пуст наш лес. Ни зверушек, ни птиц певчих. Кроме дятлов и воронов – ни одной живой души. Ходишь, как по кладбищу. А были белки и бурундуки, зайцы и лисы, совы и филины. Были подснежники и огоньки в берёзовых рощах. Была турбаза «Алтай», мощный спортивно-оздоровительный комплекс, обслуживающий тысячи туристов со всех республик огромной страны. Сейчас остались одни развалины. Когда-то я работал там инструктором и с фанатами горных круч брал снежно-ледовые перевалы. На глаза наворачиваются слёзы, когда смотришь на останки былой романтики и туристической славы нашего города. И задаёшься опять шукшинским вопросом: что с нами происходит?

Выйдем из леса и пройдемся по берегу нашей Бии вниз по течению за понтонным мостом. Огромный

пойменный луг облюбовали для своих соревнований юные авиамоделисты, а берег реки – отдыхающие горожане. В жаркую летнюю пору по выходным дням весь берег заставлен машинами. Здесь жарят шашлыки, купаются и загорают семьями. Хорошо, но не всё. Люди не привыкли убирать за собой мусор. Дети вырастут и будут поступать так же. Берег завален пластиковой посудой, бытовыми отходами. Такого безобразия даже рыба не обожает и почти не клюёт там.

Но оторвём взгляд от куч вонючих отбросов и посмотрим по сторонам. Вокруг – природа редкой красоты. Вдали проступают синеватой грядой горы, а с восточной стороны выходит край бора. Сосны не любят пойменных мест, вот и остановились они у древнего речного берега на самом яру, где шумит Смоленский тракт. Сосновые стволы светятся, будто рассветная заря опустилась на них, а не растаяла в небе.

Некоторые думают, что если они сами не браконьерствуют в лесу, то их не касаются проблемы экологии. Нет, никто из нас не уйдёт от ответственности за уничтожение лесов и убийство рек. Все будем отвечать своим здоровьем, здоровьем своих детей и внуков.

Действенная защита окружающей природной среды у нас становится делом всё более безотлагательным. Иначе придётся ставить свечку в храме за упокой последних сосен нашего уникального бора.

МИШКА

Мишка живёт в деревне на высоком берегу древнего берега реки. Река ушла на многие километры, оставив болотистую низину, заросшую кустами шиповника и голубики, ивняка и черёмухи, обвитых хмелем. Деревня в одну улицу. В центре – маленький промтоварный магазинчик, колхозная контора и начальная школа. Мишка ученик этой школы. Ему уже стукнуло десять лет.

С одной стороны к деревне подступает бор, который широкой полосой тянется по яру далеко-далеко, а с другой стороны к домам подходит черновая тайга. У подножий кедров и пихт в буйных зарослях чертополоха журчит речушка, большой ручей, берега которого каждой весной желтеют от цветущей куги или курслепа. Там, как только сходят снега, сквозь мхи, лежалую хвою и старую траву колюче пробиваются ростки колбы и лопушистые кустики медунок. Первые съедобные травы тайги.

Мишка любит это время года, когда начинают распускаться бутоны огоньков, марьиных корней, выстреливают к солнцу ярко голубые стрельчатые звёздочки кукушкиных слёзок с тончайшим ароматом таёжных зорь. Над первой зеленью порхают разноцветные бабочки, разминаются шмели. На огромных кочках закипает муравьиная жизнь.

Талая вода образует в низинах широченные озёра. На их берегах подрагивают на ветру цветущие купола ив. Гудят дикие пчёлы и шмели. В обжигающе холодную воду десантируются стаи прилетевших уток, поднимая стол-

бы искрящихся на солнце брызг. Оглушительно орут дрозды и сороки. А на опушках тайги и в еловых гривах свистят рябчики. С болот, полных воды, доносятся крики журавлей и гогот диких гусей.

Тогда в Мишке просыпается страсть матёрого охотника. Отец его, когда был здоров (сейчас он парализован, ходит с бадажком и работает одной рукой), обучил Мишку, старшего сына, основным навыкам охоты с ружьём и рыбалки удочкой. В деревне после войны мужиков практически не осталось. Только старики да калеки. Поэтому ребята в самом раннем возрасте усваивали премудрости добычи пропитания в тайге. В том числе охоты с ружьями. У некоторых водились допотопные берданки или старые тулки-переломки. Сестра Мишки училась в первом классе, а их младший братик был ещё ребёнком, не умел ходить, в основном валялся в люльке, висевшей на гибкой жердине, прикреплённой к потолку.

Мишка охотился и рыбачил в одиночку. Любимая его лесная добыча – рябчики. По весне на них надо охотиться с манком, который делают из металлической трубки. Один конец трубки надо запаять, а на другом прорезать напильником маленькое отверстие. Подуешь – издаётся свист, каким самка рябчика приглашает самца на свидание в таёжной глуши. Услышав зов дамы, рябой красавчик откликается и короткими перелётами начинает приближаться к источнику звука. Тут и берёт охотник его на мушку.

Опыт охоты с ружьём на рябчиков Мишка обрёл рано и теперь

при удачном стечении обстоятельств приносил домой зараз по два-три трофея.

Те ранние таёжные вёсны навсегда останутся в Мишкином сердце, в его зреющей жизни как первая любовь – естественная, памятная не столько умом, сколько чувствами. В ней, этой любви, смешались удивление красотой и мощью природы и непонятная тревога о том, что всё непостоянно. Уходит нечто родное, привычное, и приходит новое, незнакомое, пугающее своей неизвестностью.

Мишка научился предугадывать будущее в настоящем. Ну, скажем, скопление туч над головой предвещает ненастье, а цветение шиповника – начало клёва карасей на озёрах.

Мишка в годы раннего детства, пока семья не выехала на родину родителей на Алтай, был нелюдим, не имел среди сверстников друзей, почему-то боялся людей больше, чем любого зверя в тайге. Потом, много лет спустя, он обретёт учительскую профессию, и состоится в ней, и не будет мыслить свою судьбу без неё, предполагающей постоянное пребывание в гуще молодёжной среды, тонко чувствующей душевные пристрастия и искренность педагога. Да, он полюбит эту профессию, наполненную до предела эмоциями, требующую таланта и неподдельной любви к молодому поколению. Он научится вникать в проблемы начинающих судеб. Всё это будет так, но гораздо позднее, когда беспредельная тайга разомкнёт свои глухие вечнозелёные объятия над маленькой Мишкиной жизнью, когда распахнётся горизонт, и откроются неведомые пугающие пространства, обжитые людьми, пространства больших рек, дорог и мостов, городов и сёл, пространства бесконечных степей

и гор. Там Мишка впервые увидит автомобили и паровозы, корабли и самолёты. Там другая жизнь, другие люди, да и Мишка там станет другим. В его сердце навсегда поселится неистребимая тоска по родному клочку земли в кедрово-пихтовом сумраке с яркими просветами берёз.

С годами забудутся летние полчища гнуса, не дающие покоя ни днём ни ночью, зимние завалы снегов, трескучие морозы и бездорожье. Почти никакой связи с внешним миром. Люди предоставлены сами себе. Когда-то, в годы сплошной коллективизации, они подверглись изгнанию из родных мест в северные таёжные глухомани. В годы войны власть вспомнила о них, забрала всех мужиков призывного возраста и бросила в ненасытную военную мясорубку. Оставшиеся старики, женщины и ребяты, оболганные, запуганные репрессиями, были обречены на самовывживание.

Но эта глушь – Мишкина родина. Она запомнится навсегда первыми таёжными весенними проталинами, золотыми островами цветущих огоньков и осенней журавлиной грустью заревых небес, что будут окликать его, звать в прошлое, в детскую бесконечную даль таёжной тишины, облитой печальными акварелями угасающей природы.

Мишка пока ещё не знает о Маугли и Тарзане, а узнав, найдёт в них родственность, близость своему духу, своей жизни в годы раннего детства. Потом, чтобы стать членом общества, личностью, ему потребуется длительное время для адаптации. Всё это ещё впереди.

А сейчас в маленькой полудикой жизни Мишки – первые удачи и неудачи, первые радости и горечи.

ПОТЕРЯ

В этот день Мишке сильно не повезло, но он знал, что слезами горю не поможешь. Поэтому не плакал. Ему исполнилось одиннадцать лет, но он уже ходит самостоятельно по тайге с ружьём, стрелять из которого научился, как только пошёл в школу. В глухой таёжной деревушке лесозаготовителей, где жил Мишка, в первые послевоенные годы никого не удивляло то, что мальчишки с самого раннего возраста становились добытчиками, бродя по окрестным лесам с отцовскими ружьями. Мужиков-то в деревне начисто подмела война. Одни бабы да ребятишки остались.

У Мишки отца на фронт не забирала. Парализация правой части тела. Ходил с костылём, работал одной левой рукой. А в молодости был хорошим охотником. Этот опыт вместе с ружьём, переломкой шестнадцатого калибра, он и передал Мишке, старшему из сыновей. А он сегодня по глупости потерял это ружьё, без которого будущую жизнь в деревне и представить невозможно. Тайга кругом, дичи полно. Потерял в ельнике, на берегу речки, куда пришёл поохотиться на рябчиков. Их здесь обычно к концу лета, когда молодые встанут на крыло и окрепнут, целые табунки собираются. Кормятся ягодами и, посвистывая, перелетают с места на место.

Переломка с сыромятным ремнём, перекинутая на спину, для невысокого Мишки неудобна при ходьбе по высокой траве и лазанию по кустам. Она бьёт ногу прикладом, цепляется за бурьян, а стволом задевает нижние ветви деревьев. А тут черника стала

попадаться. Мишка любит её больше, чем какую другую ягоду. Крупная, ароматная, так и просится на язык. Вот он и придумал снять и оставить на видном месте ружьё, а самому попасться налегке здесь по ягодникам, поесть черники вдоволь. Так и сделал. Приглядел полянку между деревьями с длинной гнилой колодиной посередине, чуть подальше – пень и огромный муравейник. Это приметы. Снял переломку, прислонил её стволом к нижней ветке берёзы, облегчённо вздохнул и принялся собирать ягоду, холодную, ядрёную, синюю, как безоблачное небо. Она никогда не приедается, как брусника или малина. Сколько ни ешь, всё равно ещё хочется. Правда, потом долго остаются синими и рот, и руки.

Увлёкся Мишка ягодой, закружился, забрёл в какую-то незнакомую глухомань и вспомнил о ружье. Глянул назад, а полянки -то никакой не видно. Бросился искать её, но ещё больше запутался, запаниковал. С чем домой идти? Потерял ружьё! Оно большое подспорье в пропитании семьи.

Много лет спустя, когда Мишка станет взрослым, переживёт немало бед и потерь, то поймёт, что самая страшная потеря в жизни – это потеря самого себя. Придёт время, и вдруг словно спохватиться: кто ты? Зачем живёшь на земле? Может быть, ты не свою, а чужую жизнь проживаешь? Где-то проморгал себя, талант свой проглядел, не стал тем, кем природа тебя предназначила. Вот и идёт всё через пень-колоду. Однако рождён ты быть человеком. Вот и будь им.

А пока Мишка, полудиккий, осторожный к людям ученик

начальной школы, бродит с отцовским ружьём по окрестным глухомяням с надеждой на охотничью удачу. А теперь вот потерял это ружьё. Что же делать? – спрашивал себя Мишка в сотый раз и ничего не мог ответить. Может, придумать какую-нибудь небылицу? Но в подсознании саднила мысль: не лги, имей смелость говорить правду. Пока светло, надо искать! И Мишка искал, кружил по буреломам – в отчаянии, со слезами на глазах.

Он запыхался, устал, присел на какую-то колоду. И вдруг вспомнил, что где-то здесь и оставил ружьё. Вот примятая трава, знако-

мый пенёк с муравейником. А под берёзой – тускло блеснул металл. Ружьё! Оно, видимо, соскользнуло стволом с ветки и упало в бурьян. Нашёл!!

Такой стресс Мишка переживал первый раз в жизни. Когда потеря обнаружилась, стало вдруг всё светло, хотя в действительности день начал угасать. Вечерело.

Мир будто преобразился, стал выше, просторнее, красивее, добрее. Хотя всё осталось на своих местах, как и было – с шумом речки за кустами черёмух, стуком дятла по сухой осине и молчанием заревого неба, обрамлённого вершинами пихт и берёз.

